

АПУЛЕЙ
АПОЛОГИЯ
МЕТАМОРФОЗЫ
ФЛОРИДЫ

Луций Апулей

АПОЛОГИЯ

«Public Domain»

Апулей Л.

Апология / Л. Апулей — «Public Domain»,

«Апология» Апулея свидетельствуют о хорошем знании риторики, об остроумии, ловкости и искусном владении языком. Композиция «Апологии» как речи, действительно произнесенной в суде, достаточно ясна и прозрачна, хотя несколько отклоняется от традиционной схемы. Конечно, едва ли можно думать, что она была произнесена именно в той стройной, полностью обработанной форме, в какой она была выпущена в свет, однако она написана в общем довольно простым языком, мысли, выраженные в ней, не замаскированы излишне изощренной формой и одна тема четко отделена от другой

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

27

Апулей

Апология, или Речь в защиту себя самого от обвинения в магии

1. Я право же был уверен и считал несомненным, Максим Клавдий¹ и члены совета², что Сициний Эмилиан³, старик, известный своим безрассудством, за недостатком действительных улик наполнит одной только бранью свое обвинение против меня, с которым он выступил перед тобою прежде, чем сам его хорошенько обдумал. Разумеется, обвинить можно и невинного, но уличить – только виновного. Полагаясь в особенности уже на одно это, я рад, клянусь богом, что мне представились удобный случай и возможность перед таким судьей, как ты, доказать незапятнанность философии людям, в ней не сведущим, и добиться собственного оправдания, хотя эти лживые обвинения и были на первый взгляд весьма серьезны, а их неожиданность еще осложнила защиту. Ведь, как вы помните, прошло лишь четыре или пять дней с того момента, как я, ни о чем не подозревая, явился в суд для ведения дела моей жены Пудентиллы против Граниев⁴ – и тут-то адвокаты Эмилиана с бранью набросились на меня и принялись обвинять в преступных занятиях магией⁵, а под конец – в убийстве моего пасынка Понтиана. Понимая, что их цель – не столько разбор дела в суде, сколько личные нападки и скандал, я и сам потребовал от них возбудить против меня обвинение и неоднократно повторил это требование. Вот тогда-то Эмилиан, видя, что и ты сильно возмущен и что приходится от слов перейти к делу, потерял свою самоуверенность и стал искать какого-нибудь способа скрыть свое безрассудство.

2. Так вот, как только он обнаружил, что вынужден письменно подтвердить обвинение⁶, он тут же забыл о сыне своего брата Понтиане, убитом, как вопил он незадолго до этого, мною. Он вдруг перестал говорить о смерти своего юного родственника. А чтобы не подумали, что он вовсе отказывается подписать такое серьезное обвинение, Эмилиан выбрал, как основу для него, одну только клеветническую жалобу на занятия магией: кричать об этом легко, но доказать – значительно труднее. Да и того он не осмеливается сделать открыто, а на следующий день подает жалобу от имени моего пасынка Сициния Пудента, совсем еще мальчика, и прибавляет, что берет на себя защиту его интересов в суде. Новый прием – наносить удар чужой рукой (для того, разумеется, чтобы, прикрываясь юностью Сициния Пудента⁷, не понести наказания за клевету). Когда ты, Максим, с необычайной проницательностью подметил это и потому вновь приказал ему поддерживать внесенное обвинение от собственного имени, то даже таким образом не удалось принудить его действовать лично, хотя он это и обещал. А теперь, уже вопреки твоему приказанию, он исподтишка настойчиво пускает в ход клевету. Итак, упорно избегая опасной роли обвинителя, он крепко держится за безобидную роль адвоката. Поэтому еще до начала процесса всякому легко было понять, что это будет за обвинение, если человек, который сам состряпал его и внес, боится выступить с ним – и в особенности, если этим челове-

---

¹ Клавдий Максим – римский проконсул, управлявший провинцией Африкой в промежутке между 155 и 158 гг. н. э.

² Члены совета – нечто вроде присяжных заседателей, имевших, однако, только право совещательного голоса. Члены совета при наместнике провинции были частично лица из свиты проконсула, привезенные им из Рима, частично местные жители, имевшие права римского гражданства.

³ Сициний Эмилиан – брат первого мужа Пудентиллы, жены Апулея.

⁴ По-видимому, какой-то гражданский иск, касавшийся вопросов собственности.

⁵ Занятия магией с преступными целями запрещались под страхом смертной казни уже в законах XII таблиц. Позже это запрещение неоднократно повторялось в разных формах (отдельные законы, постановления сената и т. д.).

⁶ Если дело принималось к производству, секретарь суда составлял по определенной форме изложение обвинения, которое обвинитель должен был подписать. Отказавшись подтвердить письменно свое предварительное заявление, в котором Апулей обвинялся в убийстве, Эмилиан выдвигает новое обвинение – преступные занятия магией.

⁷ Сицинию Пуденту было около 16 лет.

ком оказывается Сициний Эмилиан. Ведь если бы он действительно разузнал обо мне что-либо, то уж, конечно, не стал бы так медлить с привлечением к суду чужеземца, виновного в столь многочисленных и столь ужасных преступлениях; этот Сициний Эмилиан, который, зная, что завещание, оставленное его дядей, подлинно, распустил клеветнические слухи, будто оно подложно. Он действовал с необыкновенным упорством, и когда знаменитый Лоллий Урбик, опираясь на постановление совета консуляров, объявил, что документ производит впечатление подлинного и должен считаться подлинным, этот полоумный, вопреки совершенно ясному решению, все же клятвенно утверждал, что завещание фальшиво, и в конце концов Лоллий Урбик едва не отдал распоряжения о суровом наказании Эмилиана ⁸.

3. Рассчитывая на твою справедливость и на свою невиновность, я надеюсь, что подобное же решение само собой возникнет в результате нашего дела, так как Эмилиан с тем большей, разумеется, легкостью клеветает на невиновного, что был уже раз, как я сказал, уличен во лжи у городского префекта в ходе весьма важного процесса. Ведь подобно тому, как всякий порядочный человек, раз провинившись, становится впоследствии особенно осмотрительным и осторожным, так человек дурной от природы еще более нагло принимается за прежнее, и уж во всяком случае, чем чаще он совершает преступления, тем более открыто это делает. Стыд и честь – как платье: чем больше потрепаны, тем беспечнее к ним относишься. И поэтому, в интересах моей ничем незапятнанной чести, я считаю необходимым опровергнуть всякую хулу, прежде чем приступить к делу. Да, потому что я берусь защищать не только самого себя, но и философию, по отношению к величию которой даже малейшее порицание является величайшим преступлением, а между тем, адвокаты Эмилиана, наболтав только что немало всяких лживых небылиц по моему адресу, обратили поток своего наемного красноречия против философов вообще, как обычно делают невежды. Можно, конечно, предполагать, что они не без пользы для себя, небескорыстно несли всю эту чушь, что она уже была оплачена задатком за бесстыдство; ведь этим сутягам присущ именно такой дар красноречия, при помощи которого они суют обычно свои ядовитые языки в чужие раны; тем не менее я должен, хотя бы даже собственного спокойствия ради, опровергнуть вкратце этот вздор. Иначе может показаться, будто я, который всегда прилагал все усилия, чтобы отвести от себя малейшее пятнышко, малейшее подозрение в бесчестии, обхожу молчанием эти вздорные нападки скорее по неумению ответить, чем из презрения. На мой взгляд огорчаться даже из-за лживых наветов – свойство скромного и застенчивого человека. Действительно, даже те, кто знают за собой какой-либо проступок, все же сильно волнуются и сердятся, если услышат о себе что-нибудь дурное, хотя, коль скоро уж они взялись за дурные дела, они должны бы привыкнуть слышать о себе дурные отзывы: ведь если другие и хранят молчанье, то сами они все-таки сознают, что заслуженно могут подвергнуться упрекам. Тем более – всякий порядочный и невиновный человек, ушам которого неведома хула и который привык к похвалам, а не к порицаниям: он глубоко страдает, если о нем незаслуженно говорят такие вещи, в которых он сам по справедливости мог бы обвинить других. Поэтому, если будет казаться, что я в своей защитительной речи говорю о вещах весьма незначительных и даже вовсе не заслуживающих никакого внимания, то нужно укорять в этом тех, кто не гнушается даже такими мерзкими нападками, а не ставить это в вину мне, потому что отразить даже такие нападки будет для меня делом чести.

4. Итак, ты выслушал только что начало обвинительного акта, где было сказано следующее: «Мы обвиняем перед тобой философа красивой наружности и – вот ведь грех! – столь же красноречиво изыскающего по-гречески, как и по-латыни». Этими самыми словами, если

⁸ Лоллий Урбик – знатный римский гражданин родом из Африки. Занимал ряд важных военных и гражданских должностей. По-видимому, делом Эмилиана он занимался в качестве наместника Африки, обращаясь к консулярам (бывшим консулам), проживавшим в его провинции, как к советникам и экспертам. Некоторые комментаторы полагают, что Урбик рассматривал дело Эмилиана в бытность свою префектом города Рима (praefectus urbi).

не ошибаюсь, начал свое обвинение против меня Танноний Пудент ⁹, – вот уж он человек, право же, ни в какой мере не красноречивый. Ах, если бы он, действительно, имел основание обвинять меня в таких тяжелых преступлениях, как красота и дар слова! Ни минуты не задумываясь, я ответил бы ему то же, что гомеровский Александр Гектору:

*Нет, не презрен ни один из прекрасных даров нам бессмертных;
Их они сами дают: произвольно никто не получит.* ¹⁰

[Никоим образом не следует презирать славные дары богов; ведь этими дарами наделяют обычно сами боги, и многим из тех, кто желал бы их, они не достаются]. Так ответил бы я относительно внешности. А кроме того, сказал бы, что и философам дозволено иметь привлекательную наружность. Пифагор, который первый назвал себя философом, был самым красивым человеком своего времени; точно так же знаменитый Зенон Древний, родом из Велии, который прежде всех с искуснейшим мастерством стал вскрывать внутренние противоречия различных высказываний ¹¹, также и этот Зенон был необычайно красив, как утверждает Платон; и вообще история знает немало красивых философов, которые изящную внешность украсили добродетельными нравами. Но эта защита не имеет ко мне почти никакого отношения, так как, не говоря уже о моей заурядной внешности, непрерывные занятия науками стирают с меня всякую привлекательность, портят наружность, высасывают соки, лишают хорошего цвета лица, отнимают жизненные силы. Да и волосы, которые, по явно лживым словам вот этих господ, я отпустил как украшение, в целях соблазна, ты видишь, как восхитительно красивы эти волосы, вставшие дыбом и нерасчесанные, похожие на набивку из пакли, местами взъерошенные, спутанные, всклокоченные, одним словом – в полном беспорядке: так долго я вовсе не заботился не то что о красивой прическе, но даже о том, чтобы распутать и расчесать свои волосы. Этим, по-моему, достаточно опровергнуто «волосяное» обвинение, выдвигая которое они надеются уличить меня чуть ли не в уголовном преступлении.

5. А что до красноречия, то, даже если бы я им и обладал, разве можно было бы удивляться или завидовать мне, коль скоро с молодых лет я всеми силами предавался занятиям наукой, отвергая все другие удовольствия, и вплоть до сего времени в большей степени, пожалуй, чем любой другой из людей, стремился овладеть красноречием, напряженно трудясь день и ночь и с полным пренебреженьем относясь к собственному здоровью. Но пусть ни в какой мере не опасаются моего красноречия: я больше надеюсь на него, чем владею им, если только вообще сколько-нибудь преуспел в этом деле. Но, несомненно, если правда, что невиновность и красноречие – одно и то же (а так, говорят, писал в своих стихотворениях Стаций Цецилий ¹²), то на этом основании я прямо и открыто заявляю, что никому в красноречии не уступлю. Кто же, действительно, окажется в этом случае красноречивее меня, раз я никогда не размышлял ни о чем таком, чего не решил бы сказать во всеуслышание? Я утверждаю в то же время, что я превосходный оратор потому, что всякий проступок всегда считал таким делом, о котором говорить не подобает ¹³. Я в то же время самый красноречивый человек оттого, что нет

⁹ Танноний Пудент – адвокат Эмилиана. Как показывает его имя, он был родственником пасынка Апулея, Сициния Пудента, со стороны матери.

¹⁰ («Илиада», III, 65–66. Пер. Н. И. Гнедича). Курсивом выделены греческие цитаты. Латинский перевод, следующий в оригинале за греческим текстом, считается учеными интерполяцией (позднейшей вставкой). Интерполированные слова взяты в квадратные скобки.

¹¹ Может быть, имеются в виду знаменитые апории Зенона.

¹² Цецилий Стаций – знаменитый римский комедиограф, современник Эннип. Между прочим, как сообщает Цицерон (Tusc., III, 23), Цецилию принадлежит следующий афоризм: saepe est etiam sub pallido sordido sapientia (часто даже под грязным плащом живет мудрость).

¹³ В оригинале игра слов (omne peccatum semper nefas habui), основанная на том, что слово nefas («недозволено, нечестиво») одного корня с глаголом for («говорить»), и Апулею, по-видимому, эта этимология была ясна.

за мной ни одного поступка или высказывания, о котором я не мог бы рассуждать публично. Вот и теперь я поговорю о своих стихах, которые они выдают за нечто порочащее меня. Ты, конечно, заметил ¹⁴, что сам я одновременно и смеялся, и возмущался, слушая, как неблагозвучно и неумело декламируют они ¹⁵ стихи.

6. Итак, прежде всего они выбрали из моих шуток маленькое послание в стихах о зубном порошке к некоему Кальпурниану, который использовал это письмо мне во вред, но, охваченный желанием напакостить, не видел, конечно, что, если на основании этих стихов возникнет какое-нибудь обвинение против меня, то оно будет направлено и против него самого. Действительно, как свидетельствуют стихи, он просил у меня чего-нибудь для чистки зубов:

Пускай стихи мои привет тебе несут,
Кальпурниан. Ты порошок зубной просил –
Прими ж его. Из аравийских он плодов,
Он тонок, превосходит, белизну дает,
Десна распухнет – мигом ее вылечит
И так все крошки подметет вчерашние,
Что если смех случайный зубы обнажит,
Никто на них не разглядит ни пятнышка.

Я спрашиваю, что позорного в содержании или в словах этих стихов, что вообще в них такого, что философу нежелательно было бы считать своим) Разве только в том меня следует упрекнуть, что я послал Кальпурниану порошок из аравийских плодов, тогда как ему гораздо больше подходило бы, в соответствии с мерзейшим обычаем иберийцев, собственной мочой, как говорит Катулл ¹⁶ «чистить зубы и красные десны».

7. Я только что видел, как некоторые едва сдерживали смех, когда тот оратор сурово осуждал – извольте видеть – чистоту рта и с таким возмущением произносил слова «зубной порошок», с каким и о яде-то никто не говорит. А что же?! Философ, конечно, не может презрительно отмахнуться от обвинения, будто он непримирим ко всякой нечистоплотности в самом себе, не допускает, чтобы какая-нибудь открытая часть его тела оказалась неопрятной и зловонной! В особенности – рот, которым человек чрезвычайно часто пользуется открыто и на виду у всех: или он целует кого-нибудь, или беседует с кем-нибудь, или рассуждает в присутствии слушателей, или молится в храме – ведь всякому поступку человека предшествует слово, которое, как говорит замечательный поэт, выходит «из-за ограды зубов» ¹⁷. Взять теперь какого-нибудь высокопарного оратора – он на свой лад скажет, что человек, если он хоть сколько-нибудь думает о своей речи, должен в первую очередь, больше, чем об остальных частях тела, позаботиться о рте, который служит преддверием духа, вратами речи, собранием мыслей. А я, пожалуй, сказал бы так: нет ничего более противоречащего облику человека свободного и благородного, чем неопрятный рот. Ведь этот орган расположен высоко, виден хорошо, его функция – речь. У диких же зверей и домашнего скота рот расположен низко и наклонен к ногам, поближе к следу и корму; его почти никогда не видно, разве только у мертвых или взбешенных и готовых укусить животных. Напротив, у человека, когда он молчит, а еще чаще – когда говорит, ничего, пожалуй, не заметишь прежде, чем рот.

8. Так вот, мне хотелось бы, чтобы мой суровый критик Эмилиан ответил, имеет ли он сам обыкновение мыть хоть изредка ноги. Если он этого не отрицает, то пусть открыто заявит,

¹⁴ Клавдий Максим.

¹⁵ Обвинители.

¹⁶ Катулл, XXXIX, 18.

¹⁷ Имеется в виду Гомер, например, «Одиссея», 1, 64: *Дитя мое, что за слово выбежало у тебя из-за ограды зубов?* Выражение *ограда зубов* встречается и во многих других местах гомеровских поэм.

что больше нужно заботиться об опрятности ног, чем зубов. Но, разумеется, если кто-нибудь подобно тебе, Эмилиан, почти никогда не открывает рта ни для чего иного, как для злословия и клеветы, то я советую ему вовсе не заботиться об очищении рта, не чистить иноземным порошком зубы (пусть трет их углем из костра – так будет вернее) и даже не полоскать их обыкновенной водой. Пусть его вредный язык, орудие злобной лжи, остается постоянно погруженным в собственную грязь и зловоние. На самом деле, будь ты неладен! какой тут смысл: обладать языком чистым и прекрасным, речью же, напротив, грязной и отвратительной, по-змеиному испускать из белоснежного зуба черный губительный яд? Напротив, если бы кто-нибудь решил произнести речь небесполезную и не лишенную приятности, то, естественно, предварительно прополоскал бы свой рот, как кубок для хорошего напитка. Но зачем мне дольше рассуждать о человеческом роде? Лютое чудовище, пресловутый крокодил, который рождается в Ниле, и он также, насколько мне известно, охотно позволяет очищать свои зубы, разевая безвредную в тот момент пасть. Рот у него огромный, но лишен языка и по большей части находится в воде, поэтому между зубами застревает множество пиявок. Когда же он выйдет на берег реки и разинет пасть, то одна из речных птиц, дружески расположенная к нему птичка, запускает ему в зубы клюв и вытаскивает пиявок, не подвергая себя ни малейшей опасности.

9. Но оставим это. Перехожу к остальным стихотворениям. Хотя они и называют их «любовными», тем не менее прочитали их так грубо и по-деревенски, что слушать было противно. Но при чем же тут преступные занятия магией, если я в стихотворении восхваляю сыновей своего друга Скрибона Лета? Или я потому волшебник, что поэт? Кто слышал когда-нибудь хоть краем уха столь правдоподобное подозрение, столь удачное предположение, столь явный довод? «Написал стихи Апулей». Если плохие, это, конечно, проступок, однако не философа, а поэта. А если хорошие – в чем же ты обвиняешь? «Но ведь он написал стихи шуточные и любовные». Так разве в этом состоит мое преступление, и вы ошибаетесь в названии его, привлекая меня к суду за занятия магией? Но ведь и другие делали то же самое, хоть вам это и неизвестно: у греков некий уроженец Теоса¹⁸ и спартанец¹⁹ и кеосец²⁰ вместе с бесчисленным множеством других, и даже женщина лесбиянка²¹, причем эта последняя – игриво и с таким изяществом, что прелесть ее песен примиряет нас с чрезмерной вольностью ее языка. У нас – Эдитуй, Порций, Катул²², и они также – вместе с бесчисленным множеством других. «Но они не были философами». Ну, что ж, неужели ты будешь отрицать, что серьезным человеком и философом был Солон, которому принадлежит этот в высшей степени игривый стих:

*К бедрам и сладким устам ты возжелания полн*²³.

Найдется ли хоть что-нибудь столь легкомысленное во всех моих стихах, если их сопоставить с одним только этим? Я уж молчу о подобного рода писаниях у киника Диогена и Зенона, основателя стоической школы, они тоже чрезвычайно многочисленны. Прочту-ка я свои стихи еще раз, чтобы знали, что мне за них несколько не стыдно:

Критий – утеха моя, но лишь частью любви он владеет.
Часть остается еще – ты ей владеешь, Харин.
Пусть иссушают меня два огня – не надо бояться:

¹⁸ Анакреонт (VI в. до н. э.), знаменитый греческий лирический поэт, родом из города Теоса в Малой Азии.

¹⁹ Алкман (VII в. до н. э.), греческий поэт, древнейший представитель хоровой лирики.

²⁰ Симонид Кеосский (VI в. до н. э.), греческий лирический поэт.

²¹ Сапфо (VI в. до н. э.), крупнейшая греческая поэтесса.

²² Валерий Эдитуй, Порций Лицин и Квинт Лутаций Катул – римские поэты II в. до н. э. Их эротические эпиграммы цитирует Авл Геллий.

²³ Diehl, Anth. lyr. gr., ed. 3. Lipsiae 1949, fasc. I, Solon 12.

Пламя двойное свое вытерплю я до конца.
Пусть буду так же вам дорог, как вы себе дороги сами,
Вы же – так дороги мне, как человеку глаза.

Теперь я продекламирую и другие стихи ²⁴, которые они прочитали под конец, как якобы крайне разнузданные:

Песни дарю я тебе и гирлянды цветов, мой любимый.
Песни ты сам принимай, гений твой ²⁵ примет цветы.
В песнях хочу я воспеть тот сладостный день, за которым
Дважды седьмая весна, Критий, приходит к тебе.
Эти гирлянды дарю, чтобы виски твои зелень покрыва ²⁶:
Пусть украшают цветы юности нежный расцвет.
Мне же за этот весенний цветок дай весну свою, милый,
Щедрым подарком своим скромный мой дар превзойди.
Сплел я гирлянды цветов – сплетись в объятьях со мною,
Розы тебе я даю – дай мне бутон своих губ.
Но уступили б и песни мои твоей сладкой свирели,
Если бы в кипрский тростник жизнь ты вдохнуть захотел.

10. Вот тебе, Максим, мое преступление, составленное из одних гирлянд и песен. Ну прямо – закоренелый прожигатель жизни, не так ли? Ты обратил внимание, как меня порицали здесь даже за то, что, хоть у мальчиков другие имена, я назвал их Харином и Критием? Да, но ведь в таком случае можно было бы обвинить и Гая Катулла ²⁷, за то, что он Клодию назвал Лесбией, и точно так же – Тицида ²⁸, за то, что он написал имя Периллы вместо Метеллы, и Проперция, который называет Цинтию, прикрывая этим именем Гостию, и Тибулла, за то, что в мыслях у него была Плания, а в стихах – Делия. А вот Гая Луцилия ²⁹, хоть он и сатирик, я, пожалуй, осудил бы за то, что в своем стихотворении он выставил на позор мальчиков Генция и Македона, назвав их настоящие имена. Насколько, в конце концов, более скромнее мантуанский поэт, который, так же как и я, восхваляя в шуточной буколке ³⁰ сына своего друга Поллиона ³¹, имен не упоминает и зовет себя – Коридоном, а мальчика – Алексидом. Однако Эмилиан – человек, более грубый, чем вергилиевы овчары и волопасы, деревенщина и дикарь, но, по собственному мнению, гораздо более возвышенных нравов, чем Серраны ³², Курии ³³ и Фабриции ³⁴, – считает, что такие стихотворения не подобают философу-платонику. Даже в том случае, Эмилиан, если я докажу, что они написаны по примеру самого Платона? Из его

²⁴ Стихотворение это – поздравление с днем рождения.

²⁵ См. прим. 22 к кн. VIII «Метаморфоз».

²⁶ В оригинале игра слов, основанная на омонимии слова *tempus* («время» и «висок»): *ut laeto tibi tempore vempora venient*. Такая же игра слов – в конце 62 гл.

²⁷ Некоторые источники дают другой прозвище Катулла – Квинт.

²⁸ Тицид – современник Катулла, один из представителей школы неотериков, т. е. «новых поэтов» (римское литературное течение I в. до н. э., стремившееся к насаждению традиций и форм александрийской школы на римской почве).

²⁹ Гай Луцилий (около 180 – 102 г. до н. э.) – основоположник литературного жанра сатиры.

³⁰ Вергилий, «Буколики», II.

³¹ Гай Азиний Поллион (75 г. до н. э. – 4 г. н. э.) – один из самых знаменитых сподвижников Августа.

³² Серран – cognomen (фамильное имя, присоединившееся к родовому) многих представителей рода Атилиев, известного строгостью и простотой нравов.

³³ Маний Курий Дентат (ум. в 272 г. до н. э.) – победитель эпирского царя Пирра (битва при Беневенте, 275 г. до н. в.).

³⁴ Гай Фабриций Лусцин – консул 282 г. до н. э., также отличившийся во время войны с Пирром. Оба славились простотой жизни, были образцами старой римской *virtutis* (добродетели).

стихов сохранились только любовные элегии: все остальные песни он сжег на огне, потому, я уверен, что они оказались менее изысканными. Так вот, познакомься со стихами философа Платона к мальчику Астеру, если только такому старику, как ты, не поздно начинать знакомство с литературой:

*Прежде звездою восточной светил ты, Астер мой, живущим,
Мертвым ты, мертвый теперь, светишь вечерней звездой* ³⁵.

А вот, что пишет тот же Платон двум мальчикам, Алексиду и Федру, обращаясь к обоим с одним стихотворением:

Стоило мне лишь сказать, что Алексид блистает красою.
Все устремляют свой взор, всюду глядят на него.
Дразнишь ты костью собак, дорогой, и раскаешься в этом.
Разве не тем же путем Федра утратили мы? ³⁶

Я не стану упоминать больше ни о чем, кроме последней строчки его стихотворения о Дионе Сиракузском ³⁷:

О, мой любимый Дион, душу пленивший мою ³⁸.

Этим я и закончу.

11. Но не безумец ли я – в суде говорить о подобных вещах? Или скорее безумны вы, клеветники, не побрезговавшие в обвинении даже такими доводами, как будто поэтические забавы позволяют хоть сколько-нибудь судить о нравах человека? Разве вы не читали, что ответил Катулл своим недоброжелателям:

Сердце чистым должно быть у поэта,
Но стихи его могут быть иными ³⁹.

Божественный Адриан ⁴⁰, почтив стихами могильный холм своего друга поэта Воконна ⁴¹, написал так:

Был ты бесстыден в стихах, скромн душою и чист.

Он никогда не сказал бы этого, если бы некоторое легкомыслие стихов непременно свидетельствовало о распущенности. Да мне помнится, я читал немало стихотворений в том же роде и самого божественного Адриана. Что ж, Эмилиан, скажи, если осмелишься, что творения императора и цензора ⁴², божественного Адриана, оставленные им в памяти потомства, при-

---

³⁵ Пер. Л. Блуменау. Diehl, Anth. lyr. gr., ed. 3. Lipsiae 1949, fasc. I, Plato 5. Астер – по-гречески «звезда».

³⁶ Diehl, Anth. lyr. gr., ed. 3. Lipsiae 1949, fasc. I, Plato 7.

³⁷ Дион Сиракузский (408 – 354 гг. до н. э.) – философ, последователь Платона. Краткое время был тиранном в Сиракузах.

³⁸ Diehl, Anth. lyr. gr., ed. 3. Lipsiae 1949, fasc. I, Plato 6.

³⁹ Катулл, XVI, 5 – 6 (пер. А. Пиотровского).

⁴⁰ Адриан (76 – 138 гг. н. э.) – римский император из династии Антонинов. Божественным назван потому, что все римские императоры после смерти причислялись к сонму богов.

⁴¹ Об этом поэте нет никаких других упоминаний.

⁴² В действительности Адриан никогда не был цензором. Это слово употреблено здесь метафорически, в значении «блюститель нравов».

носят вред. А затем, неужели ты думаешь, что Максим осудит хоть что-нибудь из созданного мною, как ему известно, по примеру Платона? Стихи этого философа, которые я только что цитировал, столь же чисты, сколь откровенны, сочинены столь же целомудренно, сколь просто и безыскусственно само признание. В самом деле, человек испорченный в любом подобном случае будет лицемерить и скрывать, а шутник признается и обо всем будет говорить откровенно. Да, потому что природа наделила невинность речью, а злодеяние – безмолвием.

12. Я не стану останавливаться подробно на том возвышенном и божественном учении Платона, которое, за немногими исключениями, известно любому благочестивому человеку, но невеждам незнакомо. Существуют, учит Платон, две богини Венеры⁴³; каждая из них властвует над своим особым родом любви и над различными влюбленными. Одна из них – общедоступна: возбуждаемая любовью, свойственной низменной толпе, она толкает к сладострастию души не только людей, но и скота, и диких зверей, с безмерной и грозной силой сплетая в объятиях покорные тела потрясенных ею живых существ. А другая – небесная Венера, проникнутая благороднейшей любовью; она печется только о людях, да и среди них – о немногих; никакими понуждениями, никакими соблазнами она не толкает своих приверженцев к безнравственности. Ибо любовь ее не похотлива, не разнуздана; напротив, простая и серьезная, она красотой добродетели укрепляет в подчиненных ей влюбленных высокие нравственные качества, а если и наделяет когда-нибудь прекрасные тела очарованием, то вовсе устраняет всякое желанье причинить им бесчестье. Ведь только в той мере достойна любви физическая красота, в какой она напоминает божественным душам о другой красоте, истинной и чистой, которую они видели когда-то среди богов⁴⁴. Вот почему, хоть Афраний⁴⁵ и оставил следующее весьма изящное изречение: «мудрый будет любить, будут желать остальные», – все же, Эмилиан, если хочешь знать истину и если ты вообще способен это понять, мудрый не столько любит, сколько вспоминает.

13. Так уж ты прости философу Платону его стихи о любви, чтобы мне не пришлось, вопреки совету Неоптолема у Энния, философствовать чересчур многословно⁴⁶. А если ты не согласен, – что ж, я легко перенесу это, коль скоро за подобного рода стихи меня обвиняют вместе с Платоном.

А тебе, Максим, я безгранично признателен за то, что ты так внимательно слушаешь даже эти приложения к моей защите; но они необходимы, как ответ на обвинение. Поэтому то, что мне остается сказать, прежде чем перейти к самим обвинениям, выслушай, прошу тебя, столь же благосклонно и внимательно, как слушал до сих пор.

Дело в том, что дальше идет необыкновенно длинная и суровая речь о зеркале⁴⁷, предмете настолько ужасном, что Пудент едва не надорвался, восклицая: «У философа есть зеркало! Философ обладает зеркалом!» Положим, я признаю это – ведь иначе, если я стану это отрицать, ты решишь, что уличил меня в чем-то, – тем не менее вовсе не обязательно делать из этого вывод, будто я обычно прихорашиваюсь перед зеркалом. Неужели же, будь я владельцем театрального имущества, ты на этом основании мог бы доказать, что я привык носить трагическую сирму⁴⁸, женское актерское платне⁴⁹, разноцветное тряпье мимов?⁵⁰ Не думаю...

⁴³ Учение Платона о двух Афродитах (Urania и Pandemos) изложено в диалоге «Пир».

⁴⁴ См. диалоги Платона «Менон» (81) и «Федон» (76).

⁴⁵ Луций Афраний – знаменитый римский комедиограф конца II в. до н. э.

⁴⁶ Апулей, по-видимому, намекает на какое-то место из недошедшей трагедии Энния.

⁴⁷ Насколько можно судить по защите Апулея, противники обвиняли его не в использовании зеркал с магическими целями (катоптромантия; ср. крещенские и рождественские гадания по зеркалу), а просто в неподобающем философу легкомыслии и кокетстве. Но возможно и обратное, так как Апулей, искусный оратор, мог умышленно перевести вопрос в другую плоскость.

⁴⁸ Сирма – длинное, волочившееся по земле одеяние трагического актера.

⁴⁹ В римском театре женские роли исполнялись мужчинами.

⁵⁰ Мим – один из жанров античного театра (бытовые и пародийно-сатирические сценки, пьесы с острым авантюрным

Потому что, напротив, многим я не обладаю, как собственностью, но пользуюсь и получаю удовольствие. Если же обладание не служит доказательством использования, а необладание – неиспользования и если моя вина не столько в том, что я обладаю зеркалом, сколько в том, что смотрюсь в него, то мне должны, кроме всего, обязательно сообщить, когда и в чем присутствию я смотрелся в зеркало, раз уж ты считаешь, по-видимому, большим святотатством, если философ увидит зеркало, чем если непосвященный – убор Цереры ⁵¹.

14. А ну-ка, скажи теперь вот что: пусть я даже признаюсь, что действительно смотрелся в зеркало, но что же это за преступление – быть знакомым с собственным изображением и вместо того, чтобы прятать его в каком-либо одном определенном месте, носить его с собою в маленьком зеркале, куда захочешь. Или ты, может быть, не знаешь, что у человека ничто не заслуживает более внимательного изучения, чем собственная внешность? Мне-то во всяком случае известно, что и нам из детей дороже те, которые похожи на нас, и что каждому в награду за заслуги воздвигается от государства его статуя, чтобы сам награжденный видел себя. А иначе зачем нужны статуи и изображения, сделанные различными способами? Возможно ли, чтобы произведения искусства считались достойными похвалы, а тот же самый предмет, если его создала природа, должен быть признан заслуживающим осуждения? А ведь она еще более изумительно, чем искусство, и притом с большей легкостью передает сходство. Действительно, всякое изображение, созданное человеческими руками, требует продолжительного труда, и все же такого сходства, как в зеркале, пожалуй, не будет: глине не хватает упругости, камню – краски, рисунку – объемности, наконец, всем им не хватает движения, которое с особенной убедительностью создает сходство. Напротив, в зеркале виден изумительно переданный образ, одновременно и похожий, и подвижный, и покорно отвечающий на любой жест своего владельца. Этот образ – всегда ровесник тому, кто смотрит, с первых дней детства до глубокой старости – так велика его способность разделять все приходящие с годами изменения, принимать разнообразие позы, подражать то веселому, то печальному выражению лица одного и того же человека. А то, что вылеплено из глины, вылито из меди, изваяно из камня, нарисовано горячим воском ⁵², написано красками, изображено, наконец, средствами любого человеческого искусства, – все это через небольшой промежуток времени перестает быть похожим и своим неизменным и к тому же неподвижным выражением лица напоминает труп. Вот насколько тщательная полировка зеркала и творческая сила его блеска превосходят изобразительные искусства в передаче сходства.

15. Итак, либо мы должны следовать взглядам одного только спартанца Агесилая ⁵³, который не надеялся на свою красоту и не позволял ни рисовать, ни ваять себя, либо придерживаться обычая всех остальных людей и не пренебрегать статуями и изображениями; и тогда почему, на твой взгляд, видеть свой образ в камне или на доске ⁵⁴ можно, а в серебре, в зеркале – нельзя? Или, по-твоему, постоянно изучать свою внешность постыдно? А разве не про философа Сократа рассказывают, что он даже советовал своим ученикам почаще рассматривать самих себя в зеркале: тот из них, кто останется доволен своей красотой, пусть прилагает все усилия, чтобы не опозорить благородной наружности дурными нравами; а тот, кто решит, что его внешность не слишком привлекательна, пусть старается прикрыть свое безобразие подвигом добродетели ⁵⁵. Так самый мудрый из людей пользовался зеркалом даже для воспитания добрых нравов. А Демосфен, первый среди мастеров речи! Да есть ли такой человек, который не знал бы, что он всегда перед зеркалом, как перед учителем, готовился к выступ-

сюжетом и т. д.). Так же назывались и актеры – исполнители мимов.

⁵¹ Священные эмблемы Цереры, которые показывали только посвященным во время мистерий.

⁵² Живопись восковыми красками: расплавленный воск наносился на грунт.

⁵³ Агесилай (440 – 360 гг. до н. э.) – знаменитый спартанский царь.

⁵⁴ В древнем Риме (как и в Греции) картины писались на досках (вроде того, как пишутся иконы).

⁵⁵ См. Diog. Laert., II, 33.

лениям в суде? ⁵⁶ Так этот величайший оратор, хоть он и почерпнул из источника красноречия у философа Платона, а у диалектика Эвбулида ⁵⁷ изучил искусство аргументации, обращался к зеркалу, чтобы придать совершенную гармоничность своей декламации. Так кто же, на твой взгляд, должен, произнося серьезную речь, больше заботиться о красоте формы, – ругающийся ритор или отругивающийся ⁵⁸ философ? Тот, кто всего какой-нибудь часок выступает перед wybranными по жребию судьями или кто постоянно рассуждает перед всеми людьми? Кто ведет тяжбу из-за границ поля или кто учит о пределах добра и зла? ⁵⁹

А что если есть еще одно соображение, заставляющее философа смотреться в зеркало? Дело вот в чем. Нам часто приходится изучать не только свое подобие, но и причину самого подобия: исходят ли, как утверждает Эпикур, образы от нас, истекая от тел непрерывным потоком и напоминая что-то вроде снятых одежд, а натолкнувшись на что-либо гладкое и плотное, отражаются ли они и оказываются ли перевернутыми, если взглянуть на них с противоположной стороны? Или, как рассуждают другие философы, наши собственные лучи, то ли вытекая из середины глаз, а затем смешиваясь с наружным светом и тем самым соединяясь с ним, – так полагает Платон, – то ли просто исходя из глаз без какой-либо опоры вовне, – так думает Архит ⁶⁰, – то ли собираясь воедино благодаря давлению воздуха, – так считают стоики, – падают на какое-нибудь тело, плотное, гладкое и блестящее, и отражаются под таким же углом, под каким упали, возвращаясь назад к нашему лицу и воспроизводя таким образом внутри зеркала то, чего касаются и что видят снаружи.

16. Не кажется ли вам, что философы должны все это исследовать и изучать, что только они одни должны обращать внимание на все без исключения зеркала, безразлично – жидкие или твердые. Но кроме того, о чем я уже упомянул, философам необходимо еще поразмыслить, почему отражения в плоских зеркалах кажутся почти равными самим предметам, а в выпуклых и шарообразных все выглядит уменьшенным, в вогнутых же – напротив, увеличенным; где и почему меняется местами правое с левым; когда образ в одном и том же зеркале то уходит в глубину, то выдвигается вперед ⁶¹; почему вогнутое зеркало, если его держать против солнца, воспламеняет лежащий рядом трут; как это получается, что радуга в тучах играет разными цветами, что бывают видны два совершенно одинаковых солнца, как происходит, наконец, множество других явлений подобного рода, о которых пишет в огромном сочинении Архимед Сиракузский ⁶², намного превосходивший всех своей удивительной изощренностью в любой области математики, но, пожалуй, заслуживающий особого упоминания именно потому, что он часто и внимательно смотрел в зеркало. Да, Эмилиан, будь ты знаком с этой книгой и посвяти ты себя не только пашне и глыбам земли, но и абаку ⁶³, и тонкому песку ⁶⁴, то, уж поверь мне, хотя лицо твое почти ничем не отличается от ужасной маски Фиеста из трагедии ⁶⁵, все же, охваченный страстью к знаниям, ты непременно стал бы смотреть в зеркало, а в конце концов

⁵⁶ Об этом упоминают Квинтилиан (XI, 3, 68) и Плутарх («Демосфен», XI, 1).

⁵⁷ Эвбулид (V – IV вв. до н. э.) – софист, родом из Милета.

⁵⁸ В оригинале: iurganti... obiurganti.

⁵⁹ Приблизительно передана игра слов оригинала, основанная на конкретном и абстрактном значениях слова finis: de finibus agrorum litiganti, an de finibus bonorum et malorum docenti.

⁶⁰ Архит – философ-пифагореец первой половины IV в. до н. э.; родом из Тарента.

⁶¹ Очевидно, имеется в виду тот случай, когда человек то подходит к зеркалу (отражение движется ему навстречу), то отодвигается от него (отражение уходит в глубину).

⁶² Речь идет о сочинении Архимеда «О зеркалах». До нас это сочинение не дошло.

⁶³ Нечто вроде современных счетов.

⁶⁴ Этот песок рассыпали на ровном месте и пользовались им для чертежей и расчетов, как теперь пользуются черной доской и мелом.

⁶⁵ Вероятно, та маска, которая была на актере, исполнявшем роль Фиеста, во время сцены ужасного пира, когда отец узнает, что он съел родных детей.

бросил бы плуг и принялся с изумлением разглядывать многочисленные морщины, избородившие твое лицо.

Впрочем, я нисколько не удивился бы, если бы ты обрадовался, что о твоём лице, необычайно безобразном, я говорю, а о нравах твоих, куда более отталкивающих, умалчиваю. Дело тут вот в чем. Прежде всего, я не сварлив, а затем – вплоть до недавнего времени я, к счастью, не знал, черен ты или бел ⁶⁶, да и теперь, клянусь богом, не очень-то знаю. Произошло же это как раз оттого, что ты никому неизвестен, поскольку ты занят сельским хозяйством, а я свободным временем не располагаю, поскольку я занят науками. Таким образом, тьма неизвестности заслоняет тебя от всякого, кто мог бы подвергнуть тебя оценке, а сам я никогда не стремился узнавать о чьих бы то ни было дурных поступках. Наоборот, я всегда старался лучше скрыть свои провинности, чем выслеживать чужие. Вот и получилось у нас с тобой же самое, что бывает, когда один оказывается в ярко освещенном месте, а другой наблюдает за ним из темноты. В самом деле, так оно и есть: ты легко замечаешь из твоих потемок то, что делаю я открыто и на глазах у многих, в то время как сам, со своей стороны, скрываясь под покровом своего ничтожества и убегая от света, остаешься вне круга моего зрения.

17. Так, например, есть ли у тебя рабы, чтобы обрабатывать землю, или нет, или ты пользуешься для этого услугами соседей, отвечая им тем же, – я даже этого не знаю, да и знать не желаю. А ты вот, оказывается, знаешь, что я в один и тот же день отпустил в Эе ⁶⁷ на волю трех рабов. Это и было одним из тех обвинений, которые ты подсказал своему адвокату ⁶⁸ и которые он предъявил мне, хотя сам чуть-чуть раньше заявил, что я прибыл в Эю в сопровождении одного единственного раба. Вот мне и хотелось бы получить от тебя ответ на такой вопрос: как это я умудрился, имея одного, отпустить на волю трех? Разве только и здесь колдовство? Не знаю, что и думать – то ли ложь слепа, то ли таков ее обычай? «Прибыл Апулей в Эю с одним рабом», а затем, протараторив еще два-три слова: «Апулей в Эе за один день отпустил на волю трех». Прибыть с тремя и всех троих освободить – едва ли это правдоподобно! Однако, если бы я именно так и поступил, то почему в трех рабах ты видишь признак бедности, а в трех вольноотпущенных не видишь признака богатства? Не умеешь ты, Эмилиан, вовсе не умеешь обвинять философа, если ставишь мне в упрек малочисленность челяди. Да я славы ради должен был бы даже ложно приписывать себе это качество, потому что, как мне известно, не только философы, последователем которых я себя считаю, но и римские полководцы гордились немногочисленностью своих рабов. Неужели, наконец, даже и того не читали твои адвокаты ⁶⁹, что в доме консуляра Марка Антония ⁷⁰ было только восемь рабов, а у Карбона ⁷¹, того самого, что овладел верховной властью, – на одного меньше; а за Манием Курием ⁷², которому бесчисленные военные награды принесли громкую славу, который трижды прошел как триумфатор под одними и теми же воротами ⁷³, за этим, говорю я, Манием Курием следовало только двое слуг в военном обозе. Таким образом, этот славный муж, победитель сабинян, самнитов и Пирра, имел меньше рабов, чем триумфов. А Марк Катон ⁷⁴, не дожидаясь

⁶⁶ Поговорка.

⁶⁷ Ныне Триполи. Родной город Пудентиллы, жены Апулея. Писатель поселился там примерно за год до женитьбы и после трехлетнего пребывания в Эе переехал в Карфаген. Это переселение произошло уже после процесса, т. е. после 158 года.

⁶⁸ Т. е. Тантонию Пуденту.

⁶⁹ Помимо основного адвоката, Тантония Пудента, который вел дело, у Эмилиана были, вероятно, вспомогательные обвинители (subscriptores), которые и имеются здесь в виду под словом patroni.

⁷⁰ Марк Антоний (143 – 87 гг. до н. э.) – знаменитый оратор, дядя триумвира Марка Антония.

⁷¹ Гней Папирий Карбон – консул 85 и 84 гг. до н. э., виднейший деятель партии Мария.

⁷² См. прим. 33.

⁷³ Триумфальные ворота на Марсовом поле в Риме.

⁷⁴ Марк Порций Катон Старший (234 – 149 гг. до н. э.) – известный римский государственный деятель, сторонник и хранитель древней строгости нравов.

чужих похвал, сам объявил в своей речи, которую позже записал, что, отправляясь консулом в Испанию, он увез из Рима только трех рабов. Уже добравшись до villa publica ⁷⁵, он решил, что для его потребностей этого все же недостаточно, и приказал купить на рабском рынке двух мальчиков; этих пятерых он и увез в Испанию. Если бы Пудент читал обо всем этом, то, на мой взгляд, он либо отказался бы от всякой хулы по этому поводу, или уж, во всяком случае, упрекнул бы меня за моих трех рабов, как за чересчур многочисленную для философа, – а уж никак не малочисленную – свиту.

18. Он же попрекнул меня бедностью – обвинение для философа лестное и, более того, такое, о котором следует самому заявить во всеуслышание. В самом деле, бедность – издавна служанка философии. Умеренная, благоразумная, владеющая немногим, ревнующая о доброй славе, она предохраняла от опасностей, связанных с богатством; она равнодушна к своей внешности, в образе жизни – проста, хорошая советчица; никогда и никого не сделала она высокомерным, никого не превратила в раба собственных страстей, никого не ожесточила тиранией. Обжорства и разврата она не желает и желать не может: ведь и эти и другие гнусности – обычно питомцы богатства. Припомни величайших преступников, каких только знает человеческая история, – ты не найдешь среди них ни одного бедняка! И наоборот, среди людей знаменитых нелегко найти богачей, а всякий, кто заслужил наше восхищение чем бы то ни было, – бедность вскормила того с колыбели. Бедность, утверждаю я, была в древние времена основательницей всех государств, изобретательницей всех искусств и ремесел; за ней нет никаких преступлений, она – неисчерпаемый источник всяческой славы, нет народа, который не принес бы ей всех возможных похвал. Поистине, одна и та же бедность у греков в Аристиде ⁷⁶ – справедлива, в Фокионе ⁷⁷ – щедра, в Эпаминонде ⁷⁸ – доблестна, в Сократе – мудра, в Гомере – красноречива. Все та же бедность была основательницей государства римского народа. Вот почему вплоть до сегодняшнего дня, принося жертвы бессмертным богам, пользуются глиняной миской и ложкой ⁷⁹. Да, если бы только судьями на этом процессе заседали Гай Фабриций ⁸⁰, Гней Сципион ⁸¹, Маний Курий ⁸², дочери которых из-за бедности получили приданое в дар от государства и пришли к мужьям, неся славу из дому, а деньги – из государственной казны; Публикола ⁸³, изгнавший царей, и Агриппа ⁸⁴ – умиротворитель народа, оба такие бедняки, что римляне сложились и устроили им похороны вскладчину; Атилий Регул ⁸⁵, клочок земли которого по той же причине обрабатывался за счет государства; если бы, наконец, все славные и древние роды консулов, цензоров и триумфаторов, увидев на короткое время свет дня, были посланы сюда и слушали нашу тяжбу, осмелился бы ты перед столькими консулами-бедняками попрекать бедностью философа?

19. Или, может быть, Клавдий Максим кажется тебе подходящим слушателем, чтобы в его присутствии издеваться над бедностью потому лишь, что ему выпало на долю получить большое и богатое наследство? Ошибаешься, Эмилиан, и вовсе не понимаешь этого человека,

⁷⁵ Так назывался сборный пункт для новобранцев на Марсовом поле. Это было большое здание, где, кроме набора войск, проводили ценз и устраивали приемы в честь иностранных послов.

⁷⁶ Аристид (по прозвищу Справедливый) – знаменитый афинский общественный деятель V в. до н. э.

⁷⁷ Фокион – видный афинский полководец и политик IV в. до н. э.

⁷⁸ Эпаминонд (умер в 362 г. до н. э.) – знаменитый фиванский государственный деятель и полководец.

⁷⁹ Для возлияний.

⁸⁰ См. прим. 34.

⁸¹ Гней Корнелий Сципион Кальв – консул 222 г. до н. э., дядя Публия Корнелия Сципиона Африканского Старшего.

⁸² См. прим. 33.

⁸³ Публий Валерий Публикола – один из зачинщиков и самых активных участников борьбы против последнего римского царя Тарквиния Гордого: троекратно занимал должность консула в первые годы республики (конец VI в. до н. э.).

⁸⁴ Менений Агриппа – консул 503 г. до н. э. Он выступил в 494 г. посредником между патрициями и плебеями, когда последние удалились из города на Священную гору.

⁸⁵ Марк Атилий Регул – консул 267 и 256 гг. до н. э., знаменитый полководец времен Пунической войны.

если меришь его душу, исходя из обильных даров судьбы, а не из принципов философии, если думаешь, что муж столь сурового образа жизни, столько лет прослуживший в войске, не расположен более дружественно к скромной умеренности, чем к изнеженности и богатству, и что он не относится к имуществу, как к тунике, одобряя скорее соразмерность, чем длину. Да, потому что имущество, если его не носят, а волочат, точно Так же, как свисающие края одежды, мешает двигаться и ведет к падению. Ведь все, чем бы ты в жизни ни пользовался, оказывается скорее обременительным, чем полезным, если только выходит за пределы целесообразной умеренности. Поэтому чересчур большие богатства напоминают чудовищно огромные кормила, которые легче топят, чем держат правильный курс: их изобилие – бесполезно, а излишество – вредно. И даже среди самих богачей, насколько я вижу, больше всего хвалят тех, которые стараются жить тихо, незаметно и умеренно и не выставляют своих возможностей напоказ. Своими богатствами они распоряжаются без похвальбы, без высокомерия и скромностью образа жизни напоминают бедняков. А уж если сами богачи стремятся создать какое-то подобие и видимость бедности, как доказательство своей скромности, то зачем же станем стыдиться бедности мы, маленькие люди, мы, которые не притворяемся бедняками, а на самом деле бедны?

20. Впрочем, я могу поспорить с тобой и о самом слове «бедность». Я утверждаю, что никто из нас не может быть назван бедняком, если он отказывается от излишнего и наделен всем необходимым, а природа сводит это к очень немногому. В самом деле, тот будет иметь больше всего, кто меньше всего будет желать, и, разумеется, тот будет иметь, сколько захочет, кто захочет наименьшего. Поэтому мера богатства – не столько земли и доходы, сколько сама душа человека: если он терпит нужду из-за жадности и ненасытен к наживе, то ему не хватит даже золотых гор, он постоянно будет что-нибудь выпрашивать, чтобы приумножить нажитое прежде. Но ведь это и есть настоящее признание в бедности, потому что всякая страсть к стяжательству исходит из предположения, что ты беден, и несущественно, насколько велико то, чего тебе не хватает. У Фила⁸⁶ не было такого состояния, как у Лелия⁸⁷, у Лелия – как у Сципиона⁸⁸, у Сципиона – как у Красса Богатого⁸⁹, но и у Красса Богатого, в свою очередь, не было такого состояния, какого он сам хотел. Таким образом, хоть он и всех превосходил, его самого превзошла собственная алчность, и он казался богатым всем и каждому, но только не самому себе. Наоборот, те философы, о которых я упомянул, не хотели ничего большего, чем то, что у них было, и, соразмеряя желания с возможностями, были богаты и счастливы, законно и по заслугам. Бедняком, если хочешь знать, тебя сделают стремления, которые ты не в силах осуществить, а богачом – удовлетворенность, которую рождает отсутствие потребностей. Действительно, признак нужды – желание, изобилия – сытость. Стало быть, Эмилиан, если хочешь, чтобы меня считали бедняком, тебе придется доказать сначала, что я жаден. Потому что коль скоро в душе я не испытываю недостатка ни в чем, то хватает ли мне вещей, находящихся вне меня, или нет – мне безразлично. В изобилии этих вещей нет никакой заслуги, так же как в недостатке – вины.

21. Но допустим, что обстоятельства сложились иначе, что завистница-судьба сделала меня бедняком и, как это обыкновенно случается, мое богатство отнял у меня опекун, либо похитил враг, либо мне ничего не оставил отец. Пусть так, но можно ли ставить человеку в упрек его бедность, в то время как ни одному из животных, не вменяется это в вину, ни орлу, ни быку, ни льву? Вот, например, конь: коль скоро он обладает присущими ему достоинствами, то есть – тяжести перевозит спокойно, а бежит резво, то никто не бранит его, если ему не хватает корма. А ты станешь обвинять меня не за испорченность, проявившуюся в каком-нибудь слове

⁸⁶ Луций Фурий Фил – консул 136 г. до н. э. Друг Сципиона Младшего.

⁸⁷ Гай Лелий (по прозвищу Мудрый) – консул 140 г. до н. э. Также друг Сципиона.

⁸⁸ Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Младший – консул 147 г. до н. э., разрушитель Карфагена, победитель испанцев (взял штурмом их главную крепость Нуманцию).

⁸⁹ Не знаменитый триумvir, а современник Лелия и Сципиона Публий Лициний Крассе Дивес (т. е. «Богатый») Муцион.

или поступке, но за то, что живу я в доме без украшений, что рабов у меня очень немного, что питаюсь я довольно скудно, довольно просто одеваюсь, довольно редко угощаю приятелей? Ну, что ж, каким бы ничтожным ни казалось тебе все это, я многое, напротив, считаю даже излишним и хочу ограничить себя еще сильнее: я буду тем счастливее, чем умереннее будет мой образ жизни. Ведь для духа, как и для тела, здоровье равносильно полной свободе, а слабость – связанности и скованности, и верный признак немощи – испытывать недостаток во многом. Одним словом, для жизни, как и для плаванья, больше пригоден тот, кто менее обременен грузом; да, есть и в этой буре жизни человеческой предметы легкие, которые помогают удержаться на поверхности, есть и тяжелые, которые тянут ко дну. Нас учат, что боги более всего превосходят людей именно тем, что ни в чем не испытывают недостатка и ни в чем не нуждаются. В таком случае тот из нас, у кого потребности самые незначительные, больше других подобен богам.

22. Вот почему, когда, с целью оскорбить меня, вы заявили, что все мое имущество состояло из сумы да посоха, я принял ваши слова с благодарностью. Ах, если бы я был так велик душою, чтобы не нуждаться ни в каком ином имуществе, кроме этого, и с достоинством носить то же самое снаряжение, которого пожелал для себя Кратет⁹⁰, добровольно отказавшись от богатства. Кратет, говорю я (а ты, Эмилиан, хочешь – верь, хочешь – не верь), человек богатый и знаменитый, принадлежавший у себя на родине, в Фивах, к числу знатнейших граждан, из любви к тому самому образу жизни, который ты ставишь мне в упрек, роздал народу свое большое и доходное имущество и, отпустив на волю своих многочисленных рабов, сам избрал одиночество; ради одного только посоха он отверг множество плодоносных деревьев, благоустроенные поместья променял на одну маленькую суму; позже, убедившись, насколько она полезна, он прославил ее даже в песне, изменив для этого гомеровы стихи, в которых тот восхваляет остров Крит⁹¹. Я процитирую начало, не то ты, пожалуй, решишь, что я придумал это в целях защиты:

Град есть некий Сума средь мрака и тьмы беспросветной.

Все дальнейшее тоже настолько чудесно сказано, что, прочти ты это, ты больше позавидовал бы моей суме, чем женитьбе на Пудентилле. Ты порицаешь суму и посох философов? Стало быть, ты должен порицать и фалеры⁹² у всадников, и щиты у пехотинцев, и знамена у знаменосцев, и, наконец, белую квадригу и затканную пальмами тогу у триумфаторов⁹³. А впрочем ни сума, ни посох не характерны для школы Платона, они служат отличительным признаком философов кинического направления. Но для Диогена и Антисфена⁹⁴ сума и посох были тем же, что для царей – диадема, для полководцев – военный плащ, для жрецов – шапка из меха⁹⁵, для авгуров – жезл. Диоген, споря с Александром⁹⁶ об истинном характере царской власти, хвастался своим посохом, как если бы это был скипетр. Наконец, сам непобедимый Геркулес (раз уж те, о которых я упомянул, эти жалкие нищие – не правда ли? – вызывают у тебя такое презрение), сам, говорю я, Геркулес, который обошел весь свет, очищая его от чудовищ и покоряя народы, этот бог, незадолго до того, как в награду за геройские подвиги

⁹⁰ Кратет из Фив – знаменитый философ-киник IV в. до н. э. Глава кинической школы после смерти Диогена.

⁹¹ «Остров есть Крит посреди виноцветного моря прекрасный, Тучный, отсюду обьятый водами, людьми изобильный; Там девяносто они городов населяют великих», («Одиссея», XIX, 172 – 174. Пер. В. А. Жуковского).

⁹² Металлические бляхи на груди и на лбу у военных коней.

⁹³ Триумфатор въезжал в Рим на колеснице, запряженной четверкой белых коней. Пальма – символ победы.

⁹⁴ Антисфен из Афин (V – IV вв. до н. э.) – основатель кинической школы, учитель Диогена.

⁹⁵ Такая шапка шилась из шкуры принесенного в жертву животного.

⁹⁶ Александр Македонский.

был взят на небо, ходил тем не менее из страны в страну, одетый в одну только шкуру, а вся его свита состояла только из одной палки.

23. Но если все эти примеры ты и в грош не ставишь и если ты вызвал меня сюда не судебным процессом заниматься, а поговорить о размерах моего имущества, то я хочу, чтобы ты узнал все о положении моих дел, разумеется, если ты не осведомлен о них. Так вот, я заявляю тебе, что мне и моему брату осталось от отца что-то около 2 миллионов сестерциев, но эта сумма несколько поуменилась из-за моего продолжительного путешествия, длительных занятий науками и подарков, которые я нередко делал людям. Ведь и многим из друзей я оказывал помощь, и многочисленным учителям платил услугами за услуги, а дочерям некоторых из них даже давал приданое. И я, право же, без колебаний затратил бы и все свое наследство, чтобы приобрести себе то, что ценнее презрения к этому наследству. А ты, Эмилиан, и люди твоего сорта, такие же, как ты, необразованные и грубые, вы, действительно, стоите ровно столько, сколько сами имеете, как бесплодное несчастное дерево, которое само не приносит никаких плодов, и красная цена ему – цена древесины в стволе. Так или иначе, Эмилиан, но впредь остерегайся попрекать бедностью кого бы то ни было: ведь ты сам вплоть до недавнего времени в одиночку, с помощью единственного ослика за три дня вспахивал в дождливую пору свой клочок земли возле Зарата ⁹⁷. И не так уже много времени прошло с тех пор, как поумирали один за другим многие из твоих родственников и тебе совершенно незаслуженно досталось в наследство их имущество. Отсюда-то главным образом (а не только из-за твоей отталкивающей наружности) и прозвище у тебя – Харон.

24. Что же касается моей родины, то вы ⁹⁸, ссылаясь на мои собственные сочинения, указали, что она расположена на самой границе Нумидии ⁹⁹ и Гетулии ¹⁰⁰. Да, выступая публично в присутствии знаменитого Лоллиана Авита ¹⁰¹, я прямо заявил, что я полунумидиец-полугетулиец. Но я не вижу, что позорного для меня в этом обстоятельстве, как не вижу никакого позора и для Кира Старшего, в том, что родом он был полумидянин-полуперс. Не на то надо смотреть, где человек родился, а каковы его нравы, не в какой земле, а по каким принципам решил он прожить свою жизнь. Зеленщик и кабатчик вправе хвалить свои овощи и вино, ссылаясь на превосходство почвы в той или иной стране. Они говорят: вино – фасосское ¹⁰², овощи – флиунтские ¹⁰³. Действительно, особенно тонкий вкус этим питомцам земли в первую очередь сообщают плодородие страны, богатое дождями небо, мягкий ветерок, ясное солнышко, влажная почва. Но человеческая душа, которая извне вселяется во временное пристанище тела! Могут ли все эти обстоятельства хоть сколько-нибудь увеличить ее хорошие или дурные качества или как-нибудь уменьшить их? Разве самые разнообразные таланты встречаются не у всех народов, хотя одни из них как будто отличаются особенной глупостью, а другие – умом. Среди тупо-умнейших скифов родился мудрый Анахарсис ¹⁰⁴, а среди смывленных афинян – дурак Мелетид ¹⁰⁵...

⁹⁷ По-видимому, деревушка близ Эй.

⁹⁸ Т. е. обвинители.

⁹⁹ Страна в Северной Африке. Приблизительно совпадает с территорией нынешнего Алжира.

¹⁰⁰ Часть древней Мавритании, южная часть нынешнего Марокко и западного Алжира. Родина Апулея, Мадавра (ныне Мдауруш), находилась в южной части Нумидии.

¹⁰¹ Предшественник Клавдия Максима на посту правителя Африки, Лоллиан Авит был консулом в 144 г.

¹⁰² Фасосское вино (о-в Фасос лежит в Эгейском море у берегов Фракии) древние высоко ценили.

¹⁰³ Флиунт – город в северо-восточной части Пелопоннеса.

¹⁰⁴ Анахарсис – скифский царевич, который в поисках мудрости прибыл в Афины, где стал другом Солона.

¹⁰⁵ Мелетид – афинянин, глупость которого вошла в пословицу. Он не умел считать дальше пяти и не мог отличить своего отца от матери.

Но не потому сказал я все это, что стыжусь своей родины, нет – мне не пришлось бы краснеть за нее, будь мы даже еще сегодня городом Сифака ¹⁰⁶. Впрочем, после того, как Сифак потерпел поражение, мы перешли к царю Масиниссе ¹⁰⁷, как подарок от римского народа, а затем наш город был как бы вновь основан, и мы стали блистательной колонией военных ветеранов. В этой колонии мой отец занимал высочайший пост дуумвира ¹⁰⁸, пройдя предварительно через все почетные должности. Положение, которое отец приобрел в этом городе, я храню не менее достойно, чем он сам, с тех пор, как я начал принимать участие в заседаниях сената ¹⁰⁹, пользуясь при этом, как я надеюсь, таким же почетом и доброй репутацией. Но для чего, в конце концов, я рассказал обо всем этом? Для того, чтобы ты, Эмилиан, не так сердился на меня и поскорее оказал бы мне снисхождение, раз уж я, может быть, по моей беспечности, не избрал местом своего рождения твой Зарат – этот светоч аттицизма.

25. Неужели вам не стыдно в присутствии такого человека, как Клавдий Максим, так упорно обвинять меня во всем этом? Ведь вы говорите о пустяках, которые, вдобавок, еще и противоречат друг другу, и тем не менее вы нападаете и на то и на другое! Как бы то ни было, но вы ставите мне в вину вещи прямо противоположные: суму и палку – как признак суровости, песни и зеркало – жизнерадостности; одного раба – как проявление скупости, трех вольноотпущенников – расточительности; наконец, красноречие греческое, а родину – варварскую... Очнитесь, очнитесь же и подумайте о том, что вы говорите в присутствии Клавдия Максима, человека строгого и занятого Делами всей провинции! Бросьте, говорю вам, эту бессмысленную клевету! Подавайте-ка сюда ваши обвинения – все эти лютые преступления, невероятные злодеяния, безбожные занятия! Почему в вашей речи доказательства завяли, а крик пышно расцвел?

Теперь я приступаю к самому обвинению в магии; его запалили с невероятным шумом, чтобы возбудить ненависть ко мне, но, вопреки всеобщим ожиданиям, огонь поддерживали какими-то бабьими сказками, и все обвинение сгорело дотла. Ты видел когда-нибудь, Максим, как пламя, охватив солому, звонко потрескивает, далеко бросает свой отблеск и быстро растет? Но вот – легкая солома сгорела, пламя угасло, и от костра ничего не осталось. Вот тебе обвинение того же сорта – оно начинается с брани, многословно, но бездоказательно, а после твоего приговора оно исчезнет, не оставив после себя никаких следов клеветы. Все это обвинение направлено у Эмилиана к одной цели – доказать, что я маг; и поэтому мне хочется спросить у его ученейших адвокатов: что такое маг?

Ведь если, как читал я у многих писателей, на языке персов «маг» – то же самое, что наше «жрец», что же это, в конце концов, за преступление – быть жрецом, изучить, как принято, законы священных обрядов, правила жертвоприношений, различные религиозные системы, понимать их и хорошо в них разбираться? А если магия – это то, что понимает под этим словом Платон, упоминая, каким наукам обучают персы юного наследника царского престола... но память моя в точности запечатлела слова божественного мужа, а ты, Максим, припомни их вместе со мной:

«Когда же ребенок достигает возраста 14 лет, его берут к себе те, кого они называют царскими педагогами. Это четверо избранных персов, самые знаменитые люди своего поколения: самый мудрый, самый справедливый, самый благоразумный и самый мужественный. Один из них учит и магии, науке Зороастра, сына Оромаза, иными словами – почитанию богов. Учит он и искусству царствовать»¹¹⁰.

¹⁰⁶ Нумидийский царь, союзник римлян во II Пунической войне, перешедший в конце войны на сторону карфагенян.

¹⁰⁷ Масинисса – царь Западной Нумидии. Во время II Пунической войны он поддерживал сначала Карфаген, а потом Рим.

¹⁰⁸ Дуумвиры – высшие должностные лица в колонии.

¹⁰⁹ Дети знати допускались к участию в заседаниях сената колонии с правом совещательного голоса.

¹¹⁰ Платон, «Алкивиад», I, р. 121 E

26. Слышите ли вы, безрассудные обвинители магии? Это – наука, угодная бессмертным богам, обладающая знанием того, как чтить их и поклоняться им. Она безусловно священна, и божественное ведомо ей, она знаменита еще со времен Зороастра и Оромаза ¹¹¹, своих основателей. Она – жрица небожителей, ее изучают как одну из наук особенно необходимых царю, и у персов не разрешают сделаться магом первому встречному, как не разрешают ему и стать царем. Тот же Платон в другом своем диалоге так написал о некоем Залмоксе, родом фракийце, но занимавшемся тою же наукой: *«Заговоры – это прекрасные слова»* ¹¹². А раз так, то почему бы мне и не знать прекрасных слов Залмокса или жреческого искусства Зороастра?... Но если, вместе с толпой, мои обвинители думают, что маг это только тот, кто вступил в общение с бессмертными богами, узнал какой-то невероятной силы заклинания и поэтому может исполнить все, чего ни пожелает, то я чрезвычайно изумлен, как они не побоялись обвинять человека, который, по их же собственным словам, обладает такой безграничной властью. Да, потому что столь таинственное и божественное могущество нельзя сравнивать ни с чем остальным, и от него не убережешься. Если кто-нибудь привлечет к суду убийцу, то появляется на улице с провожатыми; кто обвиняет отравителя, бывает особенно осторожен в еде; кто уличит вора, оберегает свое имущество. Но уж если кто-нибудь посягнет на жизнь мага (я употребляю это слово в том смысле, какой ему придают они), то какими провожатыми, какими предосторожностями, какой охраной сумеет этот человек предотвратить невидимую и неизбежную гибель? Разумеется, никакими. Вот почему обвинять в таких преступлениях значит не верить в них.

27. Однако из-за какого-то общего для невежественных людей заблуждения философы нередко подвергаются подобным обвинениям. Те из них, что исследуют простые и непосредственные причины существования тел (и поэтому о них ходят слухи, что они отрицают богов), считаются нечестивцами, например Анаксагор, Левкипп, Демокрит, Эпикур и остальные защитники природы. Других же философов, тех, что с особенной пытливостью изучают царящее в мире провидение и особенно часто прославляют богов, их-то как раз и называют магами (в ходячем смысле слова), как будто, коль скоро им известно то, что совершается, так они и сами могут совершать то же самое. Таковы некогда были Эпименид ¹¹³, Орфей, Пифагор, Остан ¹¹⁴, а затем приблизительно тем же подозрениям подвергались «Очищения» Эмпедокла ¹¹⁵, Демонион Сократа ¹¹⁶, то то ἀγῶν Платона ¹¹⁷. В таком случае я поздравляю себя, потому что и я оказываюсь в числе столь великого множества столь знаменитых людей.

Впрочем, сами факты, на которые они опираются, чтобы доказать мою вину, – ничтожны и нелепы, и, признаюсь, я опасаюсь, как бы ты не признал преступным в них только то, что они выдвинуты как судебные доказательства. «Почему, – спрашивает он, – ты разыскивал некоторые сорта рыб?» Как будто философ из любви к знанию не имеет права делать то, что может делать изнеженный обжора из любви к собственному брюху! «Почему свободная женщина вышла за тебя замуж после 14 лет вдовства?» Как будто не заслуживает еще большего удивления то, что она столько лет не выходила замуж! «Почему, прежде чем выйти за тебя замуж, она высказала в письме какое-то свое личное мнение?» Как будто кто-нибудь обязан давать отчет о причинах чужих мнений! «Но ведь она старше тебя и все же не отвергла молодого человека...»

¹¹¹ Зороастр (Заратустра) – реформатор древнеперсидской религии, главным богом которой был Оромаз (Ормузд); Апулей вслед за Платоном считает Оромаза человеком, отцом Зороастра.

¹¹² Платон, «Хармид», р. 157 А

¹¹³ Эпименид – критский жрец и философ. В 596 г. до н. э., как рассказывает греческий писатель III в. н. э. Диоген Лаэртский (I, 109 ел.), очистил Афины от Килоновой скверны (так называлось проклятие, тяготевшее над убийцами и потомками убийц, умертвивших в 612 г. до н. э. участников заговора Килона, которые искали спасения у алтарей богов).

¹¹⁴ Об Остане нам почти ничего не известно. Лексикограф Свида считает даже, что «остан» – имя нарицательное.

¹¹⁵ Философ Эмпедокл написал книгу «Очищения», от которой е сохранилось почти ничего.

¹¹⁶ Знаменитое божество Сократа. По словам философа, это был какой-то внутренний голос, удерживавший его от дурных поступков (см., например, Ксенофонт, «Воспоминания о Сократе» I, 1).

¹¹⁷ Благо, которое Платон отождествляет с Демиургом (см. диалог «Тимей»).

Да разве уже само это обстоятельство не служит доказательством, что нет никакой нужды в магии, чтобы женщина вышла замуж за мужчину, вдова – за холостяка, пожилая – за молодого?... А вот еще одно обвинение того же сорта: «Есть в доме у Апулея какой-то предмет, который он благоговейно чтит». Как будто не большее преступление вовсе не знать никакой святыни! «В присутствии Апулея упал мальчик». Ну, а что, если бы молодой человек, что, если бы даже старик упал у меня на глазах либо под бременем болезни, либо поскользнувшись на гладком полу?... Так вот какие аргументы служат у вас доказательством моих занятий магией: паденье ребенка, брак женщины и рыбная закуска!

28. Я мог бы, право же, ничем не рискуя, ограничиться тем, что уже сказал, и закончить речь. Но так как, из-за размеров обвинения, в моем распоряжении еще вдоволь воды ¹¹⁸, рассмотрим, пожалуй, если вам угодно, каждый факт в отдельности. И я не стану отрицать ни одного из поступков, которые вменяют мне в вину, будь это правдой или ложью; допустим, что все это действительно случилось; пусть все присутствующие, которые в огромном количестве собрались отовсюду послушать наш процесс, ясно поймут, что против философов невозможно, я уже не говорю, привести истинных фактов, но даже придумать какую-либо ложь: совершенно уверенные в собственной невинности, они все же предпочитают защищаться, хотя могли бы просто все отрицать. Так вот, прежде всего я опровергну их доводы и докажу, что все это дело не имеет ничего общего с магией. Затем, окажись я даже самым великим магом на свете, я все же ясно покажу, что не было ни малейшего основания, ни малейшего повода привлекать меня к суду за какое-нибудь злодеяние. Дальше я скажу о не заслуженной мною ненависти, о письмах жены, неверно прочтенных и еще хуже истолкованных, о моем браке с Пудентиллой; я докажу, что вступил в него скорее из чувства долга, чем из корыстолюбия. Каких только беспокойств, каких мучений не доставил Эмилиану наш брак! Он-то и оказался причиной этого обвинения, которому я подвергся, и причиной его гнева, его ярости, его безумия, наконец. Если все это я установлю точно и неопровержимо, тогда лишь, Клавдий Максим, я призову в свидетели тебя и всех здесь присутствующих, что тот мой пасынок Сициний Пудент, под прикрытием и с согласия которого его дядя обвиняет меня, был совсем недавно вырван из-под моей опеки (после того, как умер брат его Понтиан, и старший по возрасту, и лучший по характеру); что, воспользовавшись этим, в нем возбудили безбожную злобу против меня и родной матери; что, не по моей вине, оставив занятия, подобающие свободному человеку, и презрев всякое образование, он уже первыми своими шагами, этим преступным обвинением, станет похож скорее на своего дядю Эмилиана, чем на брата Понтиана.

29. Теперь я перехожу, как и решил, ко всем бредням этого самого Эмилиана. Я начну с того, что, как ты слышал, он поторопился выложить прежде всего, считая, по-видимому, эти свои соображения самой основой для подозрений в магии. Я, де, за плату разыскивал через каких-то рыбаков определенные сорта рыб. Но какое же из этих двух обстоятельств способно вызвать подозрение в магии? Не то ли, что рыбу для меня искали рыбаки? Ну, конечно, следовало поручить эту работу вышивальщикам или плотникам. Если бы я захотел избежать ваших наветов, мне пришлось бы так изменить задачу каждого ремесла, чтобы плотник ловил у меня неводом рыб, а рыбак, наоборот, – обтесывал бревно... Или вы потому решили, что рыбашек разыскивали для злодеяния, что их разыскивали за деньги? Разумеется, я раздобыл бы их даром, если бы они были нужны мне для пира. Так что же вы не уличили меня еще во многом другом? Ведь я часто покупал за деньги и вино, и зелень, и фрукты, и хлеб! В этом случае ты обрекаешь на голод всех, изготавливающих лакомства: кто осмелится покупать у них продовольствие, если установлено, что все съестные припасы, которые приобретают за деньги, нужны

¹¹⁸ Стороны на суде имели право говорить ограниченное время, причем обвиняемый получал времени в несколько раз больше, чем обвинитель. Измеряли время с помощью водяных часов – клепсидры, поэтому Апулей и говорит, что у него «еще много воды». Описание клепсидры см. в «Метаморфозах», III, 3.

не для обеда, а для магии? А если не остается никакого места для подозрений ни в том, что рыбакам предлагают за деньги заниматься обычным для них делом – ловить рыбу (рыбакам, которых они ¹¹⁹ все же не привели как свидетелей, потому что таких рыбаков и не существует), ни в том, что за товар заплатили определенную сумму (величину которой они ¹²⁰ все же не назвали, чтобы умеренную цену не пропустили равнодушно мимо ушей, а к чересчур большой – не отнеслись с недоверием), если все это, говорю я, не вызывает ни малейшего подозрения, то пусть Эмилиан ответит мне, что за убедительный довод побудил его обвинить меня в магии?

30. «Ты разыскиваешь рыб», – говорят мне. Я не намерен отрицать этого, но скажи, пожалуйста, значит, тот, кто разыскивает рыб, – маг? Не в большей степени, на мой взгляд, чем если б я разыскивал зайцев, вепрей или каплунов ¹²¹. Или, быть может, одни только рыбы несут в себе нечто, скрытое от других, но известное магам? Если ты знаешь, что это такое, то ты маг, и это несомненно; а если не знаешь, то тебе придется сознаться, что ты обвиняешь в том, чего сам не знаешь... Неужели вы до такой степени незнакомы со всеми науками, и даже, наконец, со всеми ходячими рассказами, что не в состоянии придать хоть видимость правдоподобия вашим измышлениям? Да и каким образом способна разжечь любовный пыл глупая и холодная рыба или вообще любой найденный в море предмет? Разве только то ввело вас в заблуждение, что Венера, как говорят, рождена морем?! ¹²². Узнай же, Танноний Пудент, как велико было твое невежество, когда ты рассчитывал извлечь из рыб доказательство занятий магией. Если бы ты читал Вергилия, то несомненно знал бы, что эти занятия требуют совсем других вещей. Действительно, насколько мне известно, поэт перечисляет ¹²³ мягкие повязки ¹²⁴, пышные ветви ¹²⁵, лучший ладан ¹²⁶, разноцветные нити ¹²⁷, затем – сухой лавр ¹²⁸, быстро твердеющую глину ¹²⁹ и быстро плавящийся воск ¹³⁰, а кроме того, еще другие средства, которые он описывает в своей глубокомысленной поэме:

В дело идут, при луне серпами медными жаты,
Травы, что в соке молочном губительный яд источают,
Также берется нарост волшебный ¹³¹ со лба жеребенка
Новорожденного, отнятый у кобылицы... ¹³²

А ты, рыбий обвинитель, наделяешь магов совсем другими средствами: эти средства не снимают, оказывается, с нежных лбов, а сдирают с чешуйчатых хребтов, не срывают в поле, а вытаскивают из пучины, не скашивают серпами, а подцепляют крючками. Наконец, говоря о

¹¹⁹ Обвинители.

¹²⁰ Обвинители.

¹²¹ Мясо этих животных высоко ценилось гурманами

¹²² См. прим. 34 к кн. II «Метаморфоз».

¹²³ «Буколики», VIII, 69 ел.

¹²⁴ Ими украшали алтарь, на который возлагались магические приношения.

¹²⁵ Ветви деревьев вообще играли важную роль в религиозных обрядах, так как многие деревья были посвящены богам (например, лавр – Аполлону).

¹²⁶ Сжигание ароматических веществ, в частности – ладана, было составной частью жертвоприношения божеству. Ср. Лукиан, «Зевс-трагик», 15.

¹²⁷ Такие нити выполняли роль амулетов; особенное значение имел черный цвет

¹²⁸ Сухие листья лавра сжигали, написав на них имя человека (это должно было принести ему несчастье).

¹²⁹ По-видимому, чтобы достать отпечаток ноги человека. Верили, что человек начинает сохнуть, когда такой след на глине обожгут на огне.

¹³⁰ Из воска делали изображение любимого, которого хотели привязать к себе, или врага, которого хотели погубить.

¹³¹ Речь идет о так называемом *hippomanes*, т. е. мясистом наросте на лбу новорожденного жеребенка. Считали, что если этот нарост не срезать, то мать откусывает и пожирает его.

¹³² «Энеида», IV, 513 – 515.

колдовстве, Вергилий называет яд, ты – порошок, он – травы и сучья, ты – чешую и кости, он скашивает луг, ты обшариваешь волну.

Я напомнил бы тебе о таких же точно местах у Феокрита, затем – у Гомера, у Орфея (у него их множество!); я без конца цитировал бы греческие комедии и трагедии, исторические сочинения, если бы не обнаружил недавно, что ты не сумел прочесть письма Пудентиллы, написанного по-гречески. Ну, что ж, приведу еще одного латинского поэта. А вот и сами стихи, их узнают те, кто читал Левия ¹³³:

Есть много приворотных средств,
Их можно всюду отыскать:
Сучочки, ногти, антипат ¹³⁴,
Пилюльки, травы, корешки,
Двухвостых ящериц соблазн,
И лошадей любовный пыл ¹³⁵.

31. Вот ты бы и выдумал, если б был хоть капельку образован, будто все это, или что-нибудь вроде этого, а вовсе не рыб, я разыскиваю (так было бы куда правдоподобнее, а общераспространенность подобных взглядов, может быть, и заставила бы людей поверить тебе). И правда, для чего еще пригодна пойманная рыба, кроме как для того, чтобы сварить ее и съесть? А что касается магии, то для нее, на мой взгляд, рыбы совсем бесполезны. И вот откуда у меня это предположение. Многие считали Пифагора последователем Зороастра и, подобно ему, человеком искусным в магии. Тем не менее сохранилось воспоминание, что Пифагор, заметив вблизи Метапонта ¹³⁶, на побережье своей родной Италии, которую он сделал как бы второй Грецией, каких-то рыбаков, тянувших невод, купил судьбу этого улова и, уплатив деньги, приказал немедленно освободить из сетей и вернуть пучине пойманных рыб. Разумеется, он не выпустил бы этих рыб из рук, если бы в них, по его сведениям, было что-нибудь полезное для магии. Но этот муж, обыкновенно ученый и ревностный подражатель древним, вспомнил, что Гомер, поэт, обладавший самыми разнообразными познаниями или даже, скорее, знавший все без исключения, приписывал всю силу магических снадобий не морю, а земле. Вот как упоминает он об одной колдунье:

«Знавшей все травы целебные, сколько земля их рождает» ¹³⁷.

И точно так же – где-то в другой песне:

*«...земля там богато-обильная много
Злаков рождает и добрых, целебных, и злых, ядовитых».* ¹³⁸.

По Гомеру, никогда никакого снадобья, полученного из моря или из рыб, не применял Протей для колдовства над своим обликом ¹³⁹, Улисс – над ямой ¹⁴⁰, Эол – над кожаным мехом

¹³³ Левий (р. в 129 г. до н. э.) – первый представитель александринизма в римской поэзии. Написал «Erotopaegnia» («Любовные шутки»), откуда, может быть, и взята эта цитата.

¹³⁴ Греческое слово, которое, по-видимому, означает средство, вызывающее чувство взаимности.

¹³⁵ Возможно, упомянутый выше hippomanes, но, может быть, – называвшаяся тем же именем трава, возбуждающе действующая на кобылиц.

¹³⁶ Город в Южной Италии.

¹³⁷ «Илиада», XI, 741. Пер. Н. И. Гнедича.

¹³⁸ «Одиссея», IV, 229 – 230. Пер. В. А. Жуковского.

¹³⁹ См. «Одиссея», IV, 364 ел.

¹⁴¹, Елена – над кратером ¹⁴², Цирцея – над кубком ¹⁴³, Венера – над поясом ¹⁴⁴. Насколько хватает памяти, вы одни такие нашлись, чтобы перенести могущество трав, корней, сучков, камешков, как бы обращая природу в хаос, с вершин гор в море и зашить это могущество в рыбы желудки. В таком случае, если раньше было принято призывать при магических обрядах Меркурия – переносчика заклинаний, и соблазнительницу душ Венеру, Луну, соучастницу ночей, и владычицу теней Тривию ¹⁴⁵, то отныне Нептуна с Салацией ¹⁴⁶, Портуну ¹⁴⁷ и всем хором Нереид перенесут из-за вас от бурь морей к бурям страстей.

32. Я сказал, почему, на мой взгляд, магам нет никакого дела до рыб. Теперь, если угодно, поверим Эмилиану и допустим, что и рыбы обыкновенно служат целям магии. Что ж, стало быть, всякий, кто разыскивает рыб, и сам – маг? Но в таком случае, кто станет разыскивать миопарон ¹⁴⁸, окажется пиратом, лом – взломщиком, а меч – убийцей. Ты не назовешь ни одной вещи настолько безопасной, чтобы она не могла кому-либо каким-нибудь образом повредить, ни настолько приятной, чтобы она не могла принести кому-нибудь огорчения. Однако не привязывают же из-за этого ко всему нелепых обвинений! И разве стал бы ты считать, что ладан, душистую кассию, мирру и остальные благовония того же рода, которыми пользуются и для приготовления лекарств, и для жертвоприношений, покупают только для похорон?! Впрочем, на основании того же «рыбьего» доказательства магами будут, по-твоему, и спутники Менелая, которые, как говорит замечательный поэт ¹⁴⁹, с помощью изогнутых крючков боролись с голодом близ острова Фароса. Даже нырков, дельфинов и краба ты запишешь в маги, даже всех обжор, на которых наживаются рыбаки ¹⁵⁰, и даже самих рыбаков, которые в силу своего ремесла добывают рыбу всех сортов. «Почему же ты разыскиваешь рыб в таком случае?» Я не желаю и не обязан отвечать тебе. Нет, ты лучше докажи, если можешь, собственными средствами, что я разыскивал рыб для той именно цели, о которой ты говоришь. Допустим, что я покупал бы эллебор ¹⁵¹ или цикуту, или маковый сок, или другие подобные средства, которые при умеренном употреблении – полезны, а в смеси или в большем количестве – вредны; кто мог бы равнодушно стерпеть, если бы ты под этим предлогом привлек меня к суду по делу об отравлении, потому что этими снадобьями можно умертвить человека?

33. Посмотрим, однако, что это были за сорта рыб, в которых я так остро нуждался и которые попадают так редко, что человек, доставивший их, заслуживает вознаграждения. Они называли в общем три сорта, один – заблуждаясь, а два – клеветца. Заблуждались они, называя морским зайцем ¹⁵² то, что было совсем другой рыбой, которую без всякого принуждения с моей стороны принес мне посмотреть (как вы слышали это от него самого) мой раб Темисон ¹⁵³, хорошо разбирающийся в медицине. А зайца он все еще не нашел. Но я признаюсь, что разыскиваю и другие сорта и даю поручения не только рыбакам, но и своим друзьям, с

¹⁴⁰ См. «Одиссея», XI, 25 ел.

¹⁴¹ См. «Одиссея», X, 19 ел.

¹⁴² См. «Одиссея», IV, 219 ел.

¹⁴³ См. «Одиссея», X, 234.

¹⁴⁴ В поясе Венеры (Афродиты) заключены все любовные чары (ср. песнь XIV «Илиады» – «Обольщение Зевса»).

¹⁴⁵ Диана (Геката), которая называлась Тривией из-за того, что ее храмы воздвигались на перекрестках дорог (trivium).

¹⁴⁶ Салация – богиня бурного моря.

¹⁴⁷ Портун – римский бог портов и пристаней.

¹⁴⁸ Миопарон – легкое небольшое судно, часто употреблявшееся пиратами.

¹⁴⁹ Гомер, «Одиссея», IV, 368 – 369.

¹⁵⁰ В древности рыба была одним из самых любимых лакомых блюд, и редкие сорта ее ценились очень высоко.

¹⁵¹ *Helleborus orientalis* Willd. Другое название этой травы – чемерица. Ее применяли как средство против душевных болезней, а также как слабительное и рвотное.

¹⁵² *Aplysiadepilans* L., ядовитый моллюск, широко распространенный в Средиземном море.

¹⁵³ Это имя носил знаменитый врач из Лаодикеи (I в. до н. э.), который впервые применил пиявки. Древние любили давать рабам, опытным в каком-либо ремесле или искусстве, имена знаменитых представителей этой профессии.

тем чтобы, если им попадется на глаза какая-нибудь малоизвестная рыба, они либо описывали мне ее внешний вид, либо показывали ее самое, если можно – живьем, если нет – то хотя бы мертвую. Почему я так поступаю, я скоро объясню... А солгали мои хитроумнейшие обвинители – ведь таковыми они сами себя считают – когда для пушей клеветы выдумали, будто я разыскиваю два морских существа с непристойно звучащими названиями. Хоть этот Танноний и желал дать понять, что речь идет о детородных органах обоих полов, но вымолвить эти названия, из-за отсутствия дара речи, наш великий адвокат не сумел. После долгих колебаний, прибегнув к какой-то скверной и грязной перифразе, он все же назвал то морское существо, которое именем подобно мужскому органу; что касается женского органа то не находя никакого способа выразиться прилично, он обратился к моему сочинению, процитировав из какой-то моей книги: «Пусть и преградой бедра и завесой ладони прикроет то, что заключено у нее меж бедрами» ¹⁵⁴.

34. Как человек безупречной нравственности, он пытался найти доказательства моей порочности и в том, что я, мол, не стесняюсь в благопристойных якобы выражениях, говорить о вещах чрезвычайно неприличных. Напротив, я, с большим правом, мог бы упрекнуть его в том, что, всенародно объявляя красноречие своей профессией, он неприлично пустословит даже о предметах благопристойных и часто, в делах совсем несложных, что-то невнятно лепечет, если только вовсе не безмолвствует. Но послушай-ка, а что, если б я ничего не сказал о статуе Венеры ¹⁵⁵

---

¹⁵⁴ Цитата из недошедшего сочинения.

¹⁵⁵ Вероятно, речь идет о Венере Книдской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.